

УДК 1:3; 001.8:3

**ГРАНИЦЫ СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ И
СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАУКИ**

С.Б. Куликов

Томский государственный педагогический университет
E-mail: s08@vtomske.ru; kulikovsb@tspu.edu.ru

Раскрываются границы соотношения философских и социальных исследований науки: 1) выполнение анализа социального явления (языка) на базе более общей методологии; 2) интерпретация социальной теории в терминах концептуализма. Обнаружен путь, который может привести к разработке способов организации адекватного взаимодействия социальных и философско-методологических исследований науки. Этот путь подразумевает представление общественных наук в качестве эмпирического базиса для выдвижения гипотез о смысле центральных понятий и принципов общественной жизни.

Куликов Сергей Борисович,
канд. филос. наук, доцент,
зав. кафедрой философии и
социальных наук, декан фа-
культета общеуниверситет-
ских дисциплин Томского
государственного педагогиче-
ского университета.
E-mail: s08@vtomske.ru;
kulikovsb@tspu.edu.ru
Область научных интересов:
эпистемология и философия
науки.

Ключевые слова:

Философско-методологические исследования, социология науки, язык.

Одним из актуальных направлений развития современных исследований является анализ стратегий продвижения философии и эпистемологии науки, равно как прояснение препятствий, возникающих перед исследователями в ходе реализации этих стратегий. Так, философия науки сталкивается с вполне реальной опасностью утраты предметной идентичности, предполагая включение философии в состав социальных исследований науки. Базовой дисциплиной социальных исследований является социология, поэтому в современных условиях оказывается возможным складывание парадоксальной ситуации, в рамках которой традиционно основополагающее знание (философия) не только уступает место некоторой части конкретно-научных воззрений, но и должно считаться формированием, во многом производным от этой части. В таком варианте часть оказывается равна целому, что грозит проникновением в сферу философии науки установок мифологического сознания.

Неполная ясность причин возникновения современной исследовательской ситуации, в частности, носят ли эти причины объективный характер, либо же выступают проявлением случайного стечения обстоятельств, побуждает поставить вопрос о специфике современной рациональности. Одним из аспектов этой проблематики является вопрос о границах соотношения философских и социальных исследований науки. Результатом исследования данного вопроса выступает выделение перспектив анализа актов сознания, направленных на осмысление науки и построение её особых образов.

В связи с этим основная задача нашей статьи может быть определена как раскрытие вариантов понимания оснований научного знания в контексте социальной теории, соотносящейся с версиями философско-методологических исследований.

Функционирование знаний в контексте развития общественных систем специальным образом изучается в рамках социологии науки. Так, Р. Мертон полагает, что социология науки – это подраздел социологии знаний, занимающийся «социальной средой того особого рода знания, который проистекает из контролируемого эксперимента, или контролируемого наблюдения, и постоянно к нему возвращается. Предметом социологии науки в самом широком смысле является динамическая взаимозависимость между наукой как постоянной социальной деятельностью, в которой рождаются культурные и цивилизационные продукты, и окружающей социальной структурой» [1. С. 743]. Из этого ясно, что социология науки, изучая особенности функционирования науки в обществе, представляет её в качестве специфической институционализации.

В рамках указанной институционализации наука соответствует вполне конкретному образу, который совпадает с функционированием особых социальных групп (учёных), занятых исследовательской деятельностью. Конкретность образа обеспечивает его доступность для восприятия на уровне чувств и ощущений, и потому сам образ позволяет достичь понятности науки как суммы явлений общественной жизни. В частности, с таких позиций не вызывает вопросов функциональное разделение группы, например, на «теоретиков» и «экспериментаторов», «администраторов» и «исследователей», «лидеров» и «ведомых» и т. д.

В то же время не вполне ясна базовая идея, которой руководствуются представители научного сообщества. Совпадает ли эта идея с мотивами рациональной деятельности, либо же она может быть полностью ассоциирована (как полагает Р. Коллинз) с особым видом ритуальных практик? Ещё Парменид и Платон предлагали аргументы в поддержку концепции, в рамках которой идеи не имеют, а в пределе и не могут иметь полноценного воплощения в мире чувственных вещей. Для распознавания (припоминания) идеи отдельной вещи требуются особые подходы, в основе которых спекулятивность философской рефлексии. В связи с этим возникает вопрос, может ли социальная линия исследований, связанная с вышеупомянутым образом науки (как социального института), считаться дисциплиной, в принципе способной раскрыть базовую идею научно-исследовательской деятельности и не впасть при этом в спекуляцию, сопоставимые с традиционными версиями философии?

Обсуждение поставленного вопроса требует выявления специфики отношений между интенциями философско-методологических исследований и установками социологии науки. Особое внимание к установкам социологии науки связано с идеей, получившей широкое распространение в последней трети XX в. Так, В.А. Дмитриенко замечает, что «общесоциологическое учение о социальной деятельности в целом выступает важнейшей методологической основой решения вопроса о сущности и специфике содержания научной деятельности» [2. С. 172]. Аналогичные идеи высказывает Б.А. Чагин [3. С. 194]. Сторонниками этой точки зрения выступают также А.Г. Здравомыслов, В.С. Барулин и многие другие авторы.

С теоретической точки зрения могут быть выделены три основных подхода к пониманию отношений, возникающих между философско-методологическими исследованиями и социологией науки:

1. Представление философско-методологических исследований как ветви социологических исследований;
2. Строгое разграничение двух областей знания;
3. Интерпретация социальных исследований науки как ветви философско-методологических исследований.

В частности, первого подхода придерживаются Л. Флек, Т. Кун и Р. Коллинз. Так, Л. Флек замечает: «Любая попытка объявить какой-то конкретный подход единственно верным и правильным не может не быть ограниченной, поскольку она связана с определённым мыслительным коллективом. Стилиевые особенности убеждений, как и технические средства, необходимые в каждом научном исследовании, нельзя выразить чисто логически. Такая легитимация мнений возможна только тогда, когда она уже не нужна, т. е. в среде людей с одинаковой, соответствующей определённому стилю мышления организацией психики и более или менее одинаковым уровнем образования и профессиональной подготовки» [4. С. 60–61]. Из этого видно, что сторонники включения философско-методологических исследований в состав социологических исследований полагают оправданным представление знания о структуре научных методов в качестве развивающегося явления, опосредованного социальным контекстом своего складывания.

Вместе с тем философия попадет в ситуацию, в рамках которой возникает определённого рода двусмысленность. Традиционно за философией, занимающейся так называемыми «вечными» проблемами: бытие (действительность), истина, благо и другие, закреплялось право обнаруживать идеалы и нормы научных исследований. Так, конкретные способы понимания действительности («действительность – это духовная субстанция», «действительность – это материя» и т. д.) приводили к обнаружению оснований для понимания целей и задач науки: примат духа влечет за собой и привилегированный статус разума в науке; первенство материальных начал, в частности, требует доказательства автономии разума от чувственного опыта. Призна-

ние универсального характера критериев истинности побуждало искать эти критерии либо в сфере разума, либо в сфере чувств. Причем в первом случае выдвигались различные версии трансцендентализма, а во втором – критицизма. Партикуляристские концепции предполагали ограничение претензий познающей мысли возможностью получить истинное знание только в рамках конкретных версий понимания истинности (как непротиворечивости, эффективности, либо же согласованности). Признание блага самоценным влекло за собой и представления о самоценности научных исследований. Релятивизация блага побуждала исследователей ориентироваться на мир исторически сложившихся связей и отношений. Переосмысление традиционных способов понимания сферы компетентности философии побуждает в современных условиях принимать за источник идеалов и норм науки не следствия вариантов истолкования некоторых «ликос вечности», а вариации образов исходно изменчивых версий упорядочивания социокультурной действительности.

Наиболее радикальную позицию занимает Р. Коллинз: «Социальная структура имеется везде, вплоть до самого нижнего микроуровня. В принципе, кто, что и кому скажет, детерминировано социальными процессами. И это означает, что существует не только социология разговора или беседы, но и социология мышления. ... Интересующие нас здесь абстрактные истины, обнаруживаемые в утверждениях интеллектуалов, возникают в специализированном дискурсе социальных сетей» [5. С. 100, 1133–1134]. Из этого ясно, что «всепроницающая», всеохватная (универсальная) социальность подчиняет себе области знания, традиционно отделяемые от природной и социальной реальности.

Универсальная социальность побуждает исследователей искать базовые для науки идеи в сфере, принципиально исключаящей какую бы то ни было одну и на все времена данную основу. Такая основа традиционно должна покоиться (качественно не изменяться), в то же время сама суть общественных отношений, их обобщенный смысл заключается в постоянной подвижности, функционировании связей, возникающих между людьми в процессе достижения разнообразных целей и реализации различных потребностей. В этом отношении единственное, что в социуме может быть ассоциировано с традиционным образом «основы» (как предлагал, например, Э. Дюркгейм) является идея самой необходимости общественным отношениям совершаться, порождая в рамках возникающих повторений однотипных действий (создание семей, получение образования и т. д.) иллюзию постоянства. Логическим завершением такого хода мысли выступает власть традиций для мышления вообще и господство ритуальных действий для науки в частности.

В то же время могут быть выявлены основания для различения философско-методологических исследований и социологии науки. Так, частный момент различения выделяет А.А. Степанов, анализируя феномен авторитета в науке: «Не вызывает сомнения, что авторитет – понятие социальное. В то же время в эмпирической социологии науки, направленной на изучение научного коллектива, группы и т.д., понятие авторитет используется редко. ... Эмпирическая социология науки не может фиксировать явление авторитета потому, что абстрагируется от содержания научной деятельности, от исторической обусловленности процесса познания» [6. С. 102]. Из этого ясно, что как минимум в одном случае социология науки и философско-методологические исследования могут быть разведены.

Различение социологии науки и философско-методологических исследований в общем случае становится возможным при обнаружении явлений, выведенных за рамки социума. В частности, К. Поппер замечает: «Мир языка, предложений, теорий и рассуждений, короче – универсум объективного знания является одним из самых важных универсумов, созданных человеком и в то же время в значительной степени автономных» [7. С. 119]. Из этого видно, что в качестве явления, относительно независимого от социума, может быть выделено объективное знание, формирующее собственный мир и лишённое субъектного начала. Этот мир составлен из смыслового содержания текстов, способных существовать, согласно К. Попперу, и без человека и человеческого общества.

В современных исследованиях положения К. Поппера неоднократно подвергались критике. В частности, С.В. Никоненко замечает: «Выступая против «традиционной» эпистемологии, концентрирующейся на изучении познания субъекта, эпистемология третьего мира, хотя и

представлена «от третьего лица», все же недостаточно безлична, чтобы третий мир можно было бы считать совершенно объективным» [8. С. 145].

Преодоления проблемных моментов, связанных с разведением философско-методологических исследований и социологии науки, позволяют добиться результаты, полученные в рамках подхода, интерпретирующего социальные исследования как ветвь философско-методологических исследований.

Необходимо предварительно отграничить философско-методологические исследования от лингвистики, поскольку в трактовке эпистемологии как области исследований объективных смыслов, имеющих языковые формы выражения, предполагается возможность поглощения эпистемологии лингвистикой. Как замечает Р.И. Павилёнис, «...в лингвистике исключительная ориентация на синтаксическую сторону естественного языка, отказ от каких-либо ссылок семантического порядка ... долгое время считались единственно правильной научной позицией. ... Однако неполнота лингвистического описания ... неизбежно вели к реабилитации семантических исследований» [9. С. 31]. Так же и Дж. Лайонз утверждает в работах 70-х гг. XX в., что «многие из наиболее известных лингвистических трудов, появившихся за последние тридцать лет, уделяют мало внимания семантике или вовсе обходят её молчанием» [10. С. 424]. Из всего этого следует, что лингвистика и эпистемология имеют предметное разграничение, в рамках которого раскрывается преимущественная ориентация лингвистики на анализ структуры языка [11. С. 5–11], а философско-методологических исследований – на способы связи значений с предметами обозначений.

Выделяются два основания для различения философско-методологических исследований и социологии науки: 1) выполнение анализа социального явления (языка) на базе более общей методологии; 2) интерпретация социальной теории в терминах концептуализма. В частности, П. Уинч замечает: «Например, вопрос о том, что конституирует социальное поведение, представляет собой выявление понятия "социальное поведение". Имея дело с вопросами такого плана, мы не должны "ожидать", что покажет нам опытное исследование – скорее это вопрос отслеживания применения используемых нами концепций» [12. С. 14]. Сходных воззрений в современных исследованиях придерживается А. Мегилл, занимаясь проблемами исторической эпистемологии как знания о системе принципов и правил, лежащих в основе действий историка [13. С. 460–461]. Из всего этого ясно, что путь, который может привести к переосмыслению статуса социальных исследований науки, в особенности предполагая истолкование их в качестве ветви философско-методологических исследований, – это представление об общественных науках как эмпирическом базисе для выдвижения гипотез о смысле центральных понятий и принципов общественной жизни.

С этой точки зрения социальные исследования включаются в процесс рефлексивной обработки информации о действительности в целях конкретизации форм реализации данной информации. Другими словами, в границах философии на материале осмысления оснований научных исследований, в частности базовых идей, которые лежат в основе мотивации к научно-исследовательской деятельности, вырабатывается концептуальная модель формирования возможных общественных связей и отношений. В пределах социальных исследований модель проходит апробацию, соотносясь с миром реально сложившихся общественных связей. (В русле высказанных идей вполне оправданным видится выдвижение гипотезы о том, что в целом аналогичные отношения, затрагивающие, однако, уже сферу человека, а не общества, могут быть установлены так же и между эпистемологией и когнитивной психологией).

Таким образом, философско-методологические и социальные исследования науки обнаруживают объективные ограничения, допускающие представление их взаимодействий с позиций диалектики возможного и действительного. В рамках этой диалектики отдельные (как минимум философские, социологические, а потенциально и психологические, культурологические и др.) акты осознания науки могут быть истолкованы в качестве стадий информационного процесса, направленного в целом на формирование образов науки. При этом в перспективе проведенного исследования видится обсуждение отдельных моделей данного процесса, в частности, привлечение для его изучения потенциалов феноменологических идей Э. Гуссерля, М. Шелера, Ж.-П. Сартра и других авторов, а также информационно-синергетических моделей самоорганизации социокультурных систем, разработанных И.В. Мелик-Гайказян [14, 15]. Так,

модель, описывающая динамику культуры как процесса выработки, кодирования, структурирования и рецепции информации [14. С. 139–140], позволяет модифицировать феноменологию. Сильной стороной феноменологического подхода выступает возможность раскрыть интенциональные структуры индивидуального сознания и выявить причины изменения образов науки, зависящих в своём складывании от данных структур. Слабой стороной оказываются затруднения в сохранении аподиктичности выводов относительно коллективных форм сознательной деятельности (социокультурных связей и отношений). Выполнение указанной модификации даст возможность встроить образы науки как продукты сознания в рамки последовательности стадий, строго связав каждую из стадий с особой формой осознания науки. Посредством выявления конкретного места в рамках модели станет возможным упорядочивание различных способов понимания науки (например, науки как «био-власти» (М. Фуко, П.Д. Тищенко), «технонауки» (Ж. Хоттуа, Б.Г. Юдин) и т. п.), а вместе с тем – обнаружение новых связей между способами понимания науки в рамках культуры. Итогом обсуждения выступит построение концептуальной модели вариативной трансформации философских образов науки, одна из версий которой представлена в работе [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 880 с.
2. Дмитриенко В.А. Основы общей теории науки (методологические проблемы науковедения): дис. на соискание учёной степени д-ра филос. наук. – Томск, 1975. – 440 с.
3. Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969). – Л.: Наука, 1971. – 244 с.
4. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 220 с.
5. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.
6. Степанов А.А. Основы философской концепции научного авторитета. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – 242 с.
7. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д.Г. Лахути. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.
8. Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 546 с.
9. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
10. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. Н.Н. Перцевой, Т.В. Булыгиной, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
11. Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков / Пер. с англ. Е.В. Падучевой. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 64 с.
12. Уинч П. Идея социальной науки и её отношение к философии. – М.: Русское философское общество, 1996. – 128 с.
13. Мегилл А. Карл Маркс: бремя разума. Научная монография / Пер. с англ. М. Кукарцевой. – М.: «Канон+» РООИ; Реабилитация, 2011. – 336 с.
14. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Физматлит, 1998. – 192 с.
15. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. – М.: Физматлит, 2001. – 272 с.
16. Куликов С.Б. Концептуальная модель трансформации философских образов науки // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 13 (115). – С. 169–173.

Поступила 30.03.2012 г.